

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА АРМІИ.

Русско-японская война и смута разбили въ прахъ нашу старую систему и показали всю ея несостоятельность. Въ поискахъ за причинами поражений мы цѣпляемся за крыши карнизовъ рухнувшаго зданія—обвиняли генеральный шагбъ, строевыхъ офицеровъ, подыскивали массу косвенныхъ обстоятельствъ, а не желаемъ обратить вниманія на то, что если зданіе рушилось, то оно, несомнѣнно, выведено было по ошибочному, невѣрному плану и что причиной причинъ слѣдуетъ считать непрочный фундаментъ постройки, которымъ, искони вѣковъ, для каждой благоустроенной арміи, считалась—*войсковая дисциплина!*

Но находятся нынѣ люди, которые, несмотря на всю очевидность причины катастрофы, вновь призываютъ наше военное общество слѣдовать по «старой, натоптанной дорожкѣ» и вновь вести армію и готовить ее по той же испытанной уже старой системѣ.

Это «старые мотивы пѣсни» 70—80 годовъ прошлаго столѣтія. Голоса эти такъ увѣрены въ цѣлесообразности прошлаго, что не желаютъ даже вспомнить тяжелое недавно минувшее и, сваливая

всю вину на офицера за все пережитое, требуютъ отъ него, чтобы онъ принимался вновь за сооруженіе зданія, безъ всякихъ измѣненій и улучшеній въ планѣ постройки.

Наша старая, и донынѣ дѣйствующая, система подготовки солдата, какъ извѣстно, была всецѣло основана на самыхъ гуманныхъ, человѣческихъ началахъ, на духовномъ развитіи простолюдина—на его *нравственномъ воспитаніи*, но жестокая дѣйствительность разбила наши иллюзіи: итоги подобной 30-лѣтней подготовки на экзаменѣ оказались отрицательными. Значить—или система была непрактичная, несовершенная, или же мы имѣли несоответствующихъ, проще — непригодныхъ строителей — офицеровъ, воспитателей.

Я сильно сомнѣваюсь сознають ли люди, ратующіе за направление офицерской работы по старой колеѣ, тѣ затрудненія и непреоборимыя препятствія, которыя встрѣчаетъ офицерскій составъ при проведеніи въ жизнь, хотя столь заманчивыхъ по идеѣ, но несовершенныхъ принциповъ, когда вспомнимъ, что то, что столѣтіями прививалось человѣчеству усиліями лучшихъ силъ наиболѣе культурнаго общества, требуется исполнить офицеру въ 3-хъ-годовалный срокъ пребыванія подъ знаменами современнаго солдата? Наконецъ, возможно ли допустить, чтобы всѣ офицеры были опытными, истинными воспитателями? Вѣдь если въ одной, или предположимъ, въ сотнѣ даже ротѣ нравственное воспитаніе принесло плодотворные результаты то это настолько еще ничтожный процентъ въ сопоставленіи со всей массой, что невозможно подобный рецептъ считать уже радикальнымъ средствомъ и преподносить его всей арміи, такъ какъ онъ окажется, можетъ быть, совершенно непримѣнимымъ у тысячи другихъ ротныхъ командировъ, не обладающихъ необходимыми дарованіями и талантливостью. Одинъ человѣкъ горячъ до бѣшенства, другой—флегматикъ, третій—не обладаетъ даромъ слова и т. д. и т. д., а все это отзывается на успѣхѣ работы и всѣ усилія и потуги въ воспитаніи солдата не принесутъ ровно никакой пользы, такъ какъ отъ перваго—солдатъ будетъ боязливо сторониться, при другомъ — сдѣлается апатичнымъ и унылымъ, а надъ третьимъ—втихомолку, про себя, прямо таки будетъ подсмѣиваться; въ результатѣ же, армія можетъ оказаться невоспитанной и недисциплинированной.

Для воспитанія нужно *время*, котораго нѣтъ въ распоряженіи офицера, и необходимы *воспитатели*—не сотня, а тысячи, десятки тысячъ воспитателей!

Откуда мы ихъ возьмемъ?

Но прежде нѣсколько словъ—что такое офицеръ-воспитатель?

Это человѣкъ идеи, фанатикъ долга, труженикъ дѣла, жертвующій отдыхомъ, досугомъ, здоровьемъ, наконецъ—жизнью, не заглядывающій въ то будущее, въ которомъ за многолѣтнее командованіе ротой при лихорадочной, неимоვნно тяжелой работѣ онъ преждевременно сляжеть въ могилу. Онъ видитъ передъ собою одно только—святую идею исправленія, духовнаго перерожденія, своихъ подчиненныхъ.

Это не преувеличеніе съ моей стороны, а только лишь слабый штрихъ-набросокъ той неимоვნно тяжелой, сверхчеловѣческой работы (кромѣ своихъ урочныхъ, прямыхъ, строевыхъ обязанностей), которая требуется отъ офицера—истиннаго воспитателя; только *такая* работа, при условіи еще ея *талантливости*, приводитъ къ желательнымъ результатамъ.

Воспитатель-офицеръ — это идейный подвижникъ въ буквальномъ значеніи этого слова.

Если всѣ сторонники подъема и укрѣпленія дисциплины въ арміи, исключительно только посредствомъ нравственнаго воспитанія, могутъ надѣяться, что весь корпусъ нашихъ офицеровъ можно сдѣлать подвижниками, тогда не спору, согласенъ вполнѣ, что взгляды ихъ имѣютъ долю основанія; но если бы они были вѣрны, то тогда и въ истекшее уже 30-лѣтіе мы достигли бы блестящихъ результатовъ и не было бы у насъ тяжелыхъ дней Мукдена и Кронштадта.....

Неужели нынѣ въ такой короткій срокъ отъ послѣдней войны люди и нравы измѣнились?

Не легкомысленно ли проповѣдывать проведеніе въ жизнь неосуществимаго и не опасно ли основывать подготовку арміи—силы государства на принципахъ, потерпѣвшихъ уже крушеніе?

Раздаются голоса, что если воспитателей нѣтъ, то они отыщутся, стоитъ только кличь кликнуть, написать статью «о пользѣ воспитанія» или, еще проще, приказать, чтобы были но это такое жестокое заблужденіе, что каждому, мало-мальски извѣдавшему на себѣ лично воспитательное бремя, остается телько, съ глубокимъ отчаяніемъ, воскликнуть: не найдутся! Заблужденіе, по заказу ихъ не сдѣлаешь! Истиннаго, дѣльнаго воспитателя не приготовишь ни въ какой специальной лабораторіи—училищной, полковой, академической, если его не создала, не вылѣпила, сама мать природа. Истинный

воспитатель также рѣдокъ, какъ рѣдки самородки золота, талантливые художники, скульпторы и т. д. Онъ внутри, въ себѣ, носить эту искру Божію отъ рожденія; никакими искусственными способами мы не сдѣлаемъ изъ простаго смертнаго—дѣльнаго воспитателя, который могъ бы однимъ *нравственнымъ воздействиемъ* захватить въ свои руки, всецѣло, другого такого же человѣка, подчинить его волю, его душу, который могъ бы свои воззрѣнія, идеи, честь, совѣсть перелить въ душу своего подчиненнаго, какъ переливаютъ здоровую кровь изъ живого, крѣпкаго организма въ истощеннаго, умирающаго больного.

Только такое воспитаніе, которое ежедневно, ежеминутно, отдаетъ частицу своей жизни людямъ своей роты и то съ охотой, съ радостью, готовностью и сердечностью, повторяю, есть истинное воспитаніе. Всѣ такъ называемыя «бесѣды» (апатичныя и монотонныя), показываніе передъ начальствомъ вида своей воспитательной дѣятельности, кривлянье душой, на показъ, хотя и будетъ замѣчено начальствомъ и сулить даже такому псевдо-воспитателю блага земныя, но оно не только ложно, но вліяетъ развращающе на сѣрую массу и приведетъ въ результатъ къ новой Цусимѣ...

Основываясь на многолѣтнемъ опытѣ ежедневнаго наблюденія жизни казармы и тяжелыхъ фактовъ прошлой войны и смуты, можно съ увѣренностью, къ сожалѣнію, утверждать, что огульнаго воспитанія въ нашей арміи не было, нѣтъ его нынѣ и въ будущемъ не будетъ!

Будутъ работать, воспитывать, лишь одиночки—тѣ идейные, одаренные отъ природы искрой Божіей, офицеры и работать съ успѣхомъ: но плодотворная ихъ дѣятельность—это капля въ морѣ въ сопоставленіи со всей массой войскъ, которая такъ и останется невоспитанной, какой и была до войны.

Вся наша ошибка прошлаго 30-лѣтія въ дѣлѣ подготовки солдата и заключалась въ томъ, что, не извѣдавъ своихъ силъ, не изслѣдовавъ почвы, мы двинулись по указанію лицъ, провозгласившихъ идеи гуманныя, возвышенныя и, на первый взглядъ, поразительно вѣрныя, но, какъ оказалось на дѣлѣ, для всей арміи безусловно недостижимыя; и все зданіе, возведенное на непрочномъ фундаментѣ, рухнуло безповоротно.

Подобныя идеи требуютъ подготовленной уже почвы—*въ народѣ* и талантливыхъ исполнителей—*въ арміи*.

Ни того, ни другого у насъ, въ такомъ большомъ масштабѣ, не было и не имѣется нынѣ.

Сама жизнь доказала, что гоняться за недостигаемыми и недостижимыми идеалами опасно. Нельзя армию вторично вести вновь, исключительно, по дорогѣ идеализма, когда жестокая дѣйствительность воочію насъ убѣдила въ ошибочности взглядовъ.

Культурныхъ, нравственныхъ солдатъ—тысячи, а невоспитанныхъ, грубыхъ—милліоны; талантливыхъ офицеровъ-воспитателей—сотни, а строевыхъ обыкновенныхъ смертныхъ командировъ—тысячи; поэтому жизнь казармы, подготовку солдата, казалось бы, слѣдовало направить не по той, провѣщенной въ безвоздушномъ пространствѣ, кажущейся прямой линіи, по которой мы какъ будто двигались въ предшествовавшее послѣдней войнѣ 30-тилѣтіе, а по удобной и доступной для всѣхъ дорогѣ—какъ для той тысячи строевыхъ командировъ, такъ и для милліоновъ некультурныхъ ихъ подчиненныхъ.

Но если мои доводы покажутся неубѣдительными, а Мукденъ и Кронштадтъ вычеркнемъ изъ памяти, какъ небылое, и, не взирая ни на что и не измѣняя ничего въ будущемъ, двинемся опять по старой, извѣданной уже дорогѣ, т. е. примемъ за данную, что воспитательная работа закипитъ неудержимо и это кипѣніе не будетъ ослабѣвать ни на одну минуту, что сулитъ намъ въ будущемъ такая работа?

Необходимо замѣтить, что воспитатель и воспитанники, если дѣло воспитанія ведется отъ души и талантливо, сживаются съ собою, сплавиваются духовно въ одно цѣлое, но главной притягательной и движущей силой въ этомъ сплоченіи, сліяніи, является, всецѣло, *личность* самого офицера.

Къ ней то, къ личности, и притянуты сердца подчиненныхъ.

Личность уважаемаго педагога-офицера вліяетъ на исправленіе нравственности солдата: онъ облагораживается, перерождается и превращается въ культурнаго и нравственнаго человѣка.

Такимъ образомъ, въ нравственномъ отношеніи мы достигли бы, допустимъ, положительныхъ результатовъ, но даетъ-ли это еще гарантію, что на войнѣ, въ иной, тяжелой и суровой обстановкѣ, когда тотъ же «воспитанный» солдатъ попадетъ въ руки другого уже офицера, не того, котораго онъ любилъ и въ которомъ души не чаялъ, а незнакомаго и, вдобавокъ, обыкновеннаго строевого лишь командира, онъ проявитъ необходимую доблесть и что результаты 3-хъ-лѣтней воспитательной работы окажутся настолько прочны, что за десятилѣтнее пребываніе въ запасѣ арміи не заглухнутъ въ

немъ святыхъ идеѣ и онъ пойдетъ за этимъ незнакомымъ ему офицеромъ на смерть охотно и добровольно?

Что духовное воспитаніе вліяетъ на улучшеніе нравственныхъ качествъ войскъ, въ этомъ невозможно и сомнѣваться. Но, въ боевомъ отношеніи, нравственное воспитаніе служить только *ступенью*—преддверіемъ подготовки.

Нравственно воспитанный солдатъ—это лишь воздѣланная почва, готовая воспринять насажденіе боевыхъ качествъ.

Разумѣется, съ тѣмъ, своимъ, воспитавшимъ его офицеромъ, онъ и безъ поспѣва и привитія боевого детрита готовъ идти въ огонь и воду, но съ незнакомымъ—новымъ начальникомъ—на это мало вѣроятія. Наконецъ, необходимо помнить, что высшая точка развитія военной мощи народовъ не совпадаетъ съ наибольшимъ подъемомъ культуры и расцвѣтомъ науки, искусствъ и т. д. Напротивъ того, у болѣе культурныхъ народовъ стремленіе къ спокойной мирной жизни понижаетъ военную доблесть, и они неохотно взираютъ на суровыя требованія военной школы; слѣдовательно, если допустимъ (мало вѣроятное) предположеніе, что *все* наши офицеры, сдѣлавшись истинными воспитателями, поднимутъ нравственный уровень массы, сдѣлаютъ ее болѣе культурной и воспитанной, то нельзя еще быть увѣреннымъ и спокойнымъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, усилятся и боевыя качества войскъ. Поэтому къ нравственному воспитанію необходимо прибавить воспитаніе *боевое*, которое, дѣйствуя параллельно съ первымъ, вліяло бы исключительно на поднятіе боевой мощи, необходимой для войны, военно-походной жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы доступно къ осуществленію не только одиночнымъ выдающимся дѣятелямъ изъ офицерской среды, но и посредственнымъ труженикамъ, зауряднымъ работникамъ строевого дѣла.

Чѣмъ прививается человѣку отвага, смѣлость, рѣшимость, хладнокровіе, пренебреженіе къ опасности и другія подобныя качества, столь необходимыя для каждаго военнаго?

Одинъ только и можетъ быть отвѣтъ на это: постоянной, неусыпной тренировкой, втянутостью въ походную жизнь, спортомъ и преодоленіемъ различныхъ препятствій.

Длительный, почти столѣтній періодъ борьбы за покореніе Кавказа даетъ намъ прекрасный и наглядный образецъ боевой подготовки войскъ; подготовка Суздальскаго полка, во время командованія имъ незабвеннымъ Суворовымъ, можетъ служить назиданіемъ, какъ слѣдуетъ готовить войска къ бою.

Защѣмъ намъ гоняться за недостижимымъ исключительно духовнымъ развитіемъ солдата, когда жизненный опытъ изъ нашей же военной исторіи указываетъ путь, двигаясь которымъ, мы можемъ подготовить солдата къ бою механически и быть увѣренными въ блестящемъ результатѣ этой подготовки, развивая лишь, по мѣрѣ силъ и возможности, его нравственную и умственную стороны!

Мы изнѣжились, избаловались, сладко дремали подъ монотонный напѣвъ воспитательныхъ бесѣдъ, а тренировку, втянутость въ походную жизнь, развитіе спорта, преодоленіе препятствій, опасныя упражненія, не только отодвинули въ сторону, но совсѣмъ о нихъ забыли.

Каждый военный долженъ быть, прежде всего, спартаецъ по образу жизни и тотъ же авиаторъ-летчикъ въ смыслѣ пренебреженія опасностью.

Я рисую себѣ совершенно иначе жизнь казармы и войскъ, чѣмъ она существуетъ нынѣ. Почему мы забыли нашего великаго учителя Суворова и его систему подготовки Суздальскаго полка?

На мой взглядъ—казарма должна быть лишь временнымъ жилищемъ части, а постоянное ея мѣстопробываніе—поле, походная палатка или крестьянская изба.

Слышу заранѣе тысячу возраженій на подобное смѣлое предложеніе. Но всѣ доводы о затрудненіи въ довольствіи, изношенности сапогъ и мундирной одежды, о необходимости «словесной» подготовки молодыхъ солдатъ и т. д. и т. д. ничуть меня не разувѣряютъ въ настоятельной необходимости измѣненія системы боевой подготовки нашего солдата.

Пріятно, конечно, видѣть щеголеватую мундирную одежду, блестящую окраску полкового обоза и еще пріятнѣе послушать бесѣды въ казармѣ на разныя религіозно-нравственныя темы, но мы вдоволь, всласть, насмотрѣлись на все это и наслушались бесѣдъ еще до войны съ Японіей, а щеголеватость одежды и нетронутость окраски обоза ничуть не усилили нашей боевой подготовки. Считаю настоятельно необходимымъ, чтобы каждая рота въ отдѣльности проходила ту школу, которую проходилъ въ оное время, подъ командой Суворова, Суздальскій полкъ. По очереди, по даннымъ командиромъ полка маршрутамъ, осенью и зимою, роты должны вести походный образъ жизни недѣлями—мѣсяцами, возвращаясь въ казарму лишь для временнаго отдыха, починки одежды, обуви и снаряженія, мойки и чистки себя и бѣлья.

Во время похода и походной жизни ротный командиръ, со своими офицерами, всю премудрость солдатской выучки, не исключая и молодыхъ солдатъ, будетъ проходить ежедневно въ полѣ. Онъ пройдетъ гимнастику, фехтованіе, прикладку и прицѣлку, будетъ атаковать деревни, лѣса и овраги, переправляться черезъ рѣки, взбираться на кручи, окапываться на избранныхъ позиціяхъ, пройдетъ сторожевку, развѣдку, будетъ работать ночью и вернется послѣ недѣльнаго—мѣсячнаго похода, въ казарму съ оборванной, черной, грязной ротой, но (глубоко убѣжденъ)... веселой, нравственно воспрянувшей, слившейся душою со своими офицерами и неизмѣримо выше стоящей въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ если бы она прозябала въ душевной атмосферѣ казармы.

А сколько поубавилось бы судныхъ дѣлъ въ арміи!

Бездѣлье, лежка въ казармѣ, тоскливыя словесныя занятія, монотонность жизни—вотъ, гдѣ причина причинъ большинства проступковъ и преступленій.

Готовясь же къ войнѣ по системѣ *боевой подготовки*, армія воспрянула бы въ нравственномъ отношеніи, уменьшилась бы преступность, не раздавалось бы сѣтованій на переутомленіе судейскаго персонала и еще болѣе окрѣпла бы воинская дисциплина.

Мѣсячныя экскурсіи командъ развѣдчиковъ, практикуемыя нынѣ въ войскахъ, это образчикъ, въ маломъ масштабѣ, того, что должны продѣлывать роты, баталіоны и полки.

Но, самое главное, подобная (и необходимая) система подготовки войскъ доступна будетъ не только «сотнѣ» выдающихся, талантливыхъ воспитателей, а всей остальной строевой средѣ офицеровъ и тѣмъ миллионамъ некультурныхъ (пока), но безусловно годныхъ и прекрасныхъ по своимъ физическимъ и душевнымъ качествамъ нашихъ солдатъ.

А. Мокржецкій.

